

Василий Иванович Немирович- Данченко

Набег

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Набег**

Утром, когда после вчерашнего пира аул, наконец, проснулся, народ отправился к мечети. Сегодня вечером молодёжь выступала в набег, и мулла обещал торжественное служение с приехавшим из Кази-Кумуха муршидом [1], муридами [2] и с проповедью турецкого шейха. Плотно закутанные в белые покрывала, стуча кованными каблуками туфель, бежали женщины по деревянным лестницам на хоры, отделённые от остальной мечети плотною решёткой. Медленно и важно внизу усаживались на плетёные камышовые циновки и на принесённые с собою коврики — крашенные бороды — старики. Молодёжь, которой вечером предстояло оставить аул, вооружённая до зубов, заняла средину джамии. Тишина царила в её полумраке. Огоньки лампадок, висевших с потолка на тонких железных цепочках, тускло мигали розоватым светом. По стенам были развешаны пёстрые картоны, без числа повторявшие арабскою вязью святые имена Аллаха и его пророка Магомета. Перед порогом мечети площадь была завалена мелко рубленною соломою-саманом, чтобы стук копыт подъез-

жавших коней не мешал молитве аула. Впереди уже сидели казикумухский муршид с одержимыми джазме муридами. Они казались погружёнными в сон: и головы склонили на грудь, и тела их были неподвижны. Только изредка, точно просыпаясь, муршид восклицал: «Ля-илляги-иль-Аллах», и тотчас же эта священная фраза, будто дуновением ветра, повторялась его учениками. Мулла и шейх по очереди читали свиток Корана и заунывно пели молитвы, призывавшие гнев вседержителя на головы гяуров. Мулла поднимал порою саману и, разбрасывая его кругом, просил Магомета не посылать неверным псам христианам иной пищи, а шейх рекомендовал Азраилу так заострить шашки и кинжалы здесь предстоящих джигитов, чтобы головы уруса валились в грязь от одного прикосновения их лезвия. Потом оба, и мулла, и шейх, затянули общую песню. Она призывала всех, павших в бою с русскими и наслаждающихся теперь среди прелестей мусульманского рая, праведников слететь с лазурной высоты. Из бирюзовых дворцов, изпод изумрудных роц, сверкающих рубиновы-

ми гроздьями цветов, от медовых рек поспешить в долины Шах-Дага и своим вмешательством даровать в бою победу их верным служителям на вечное посрамление русских. Гимн этот был подхвачен присутствовавшими, и скоро дребезжавшие голоса стариков и сильно грудные — молодёжи присоединились к нему. В тишине аула казалось, что каждый камень джамии поёт над убогими саклями и безлюдными уступами улиц. Песня эта всё росла и росла, крепла, охватывая, как пламя пожара, минарет и уносясь далеко в небеса, потому что находившийся на башне будун присоединился к ней, и его звучный голос покрывал все остальные. Одни женщины наверху не смели петь общей молитвы; они только били себя в грудь, повторяя одну дозволенную им фразу: «Ля-илляги-иль-Аллах». Аслан-Коз и Селтанет, стоя у самой решётки, сквозь её просветы отыскивали внизу Джансеида и Селима и уже не отрывались от них печальными глазами. Напрасно мать Аслан-Коз дёргала её за чадру и вместе с чадрую — за косы, та даже не оглядывалась на старуху. Когда в общем хоре слышались голоса их избранни-

ков, обе девушки зажмурились, прислушиваясь к ним; а когда молитва, наконец, замерла, по восточному обычаю минорными тонами, они переглянулись, улыбаясь одна другой.

— Ты его видела вчера? — спросила Селтанет.

— Да, перед праздником на джамаате.

— Жансеид приходил ко мне сегодня утром. Я отдала ему хатаф и хаят.

— У тебя красный хатаф?

— Да.

— Счастливая ты.

Красный хатаф — находимый в гнезде ласточки камень, укрепляет нервы, прогоняет печаль и делает сердце недоступным страху. Хаят — тоже камень, в виде пули. Он у некоторых змей, по преданию, растёт в голове. Его прикосновение сразу останавливает кровь, текущую из раны.

— Счастливая ты. Я ничего не могла дать Селиму.

— Смотри, смотри, старый муршид подымается.

Двое муталлимов подбежали к белоборо-

му учителю тариката и подняли его под руки. Тотчас же, не опираясь о землю, все двенадцать муридов встали, как на пружинах. Муршид занял место посреди мечети, и муриды по очереди подходили к нему и кланялись, а он возлагал им на головы руки. Бледные лица муридов уже поводило судорогами, глаза начинали блистать неестественно и лихорадочно, груди их задышали порывисто.

— «Приближается, приближается», — запел муршид. — «Священный дух джазме недалеко. Он палит огнём моя внутренняя».

Песню эту подхватывали муриды.

И вдруг, как-то странно качаясь, муршид подбежал сначала к одному, потом к другому и так ко всем двенадцати муридам по очереди, дуя им в лица. В это время мулла, шейх и присутствовавшие пели зикра, молитву, состоявшую из бесчисленного повторения: «Нет бога, кроме бога!» После дуновения муршида эта молитва ураганом подхватила учеников тариката. Их всех обуял общий припадок фанатического исступления, они схватились за руки и стали раскачиваться головами вправо и влево, вперёд и назад под такт священным

словам: «Ля-илляги-иль-Аллах» и вслед за головою двигалось их тело, а стоявший перед ними муршид, исполняя то же самое, был для них как бы камертоном... «Ля-илляги-иль-Аллах», и движения их делались быстрее и порывистее. Ещё минута, и их нельзя было уловить, в глазах у присутствовавших мелькала стена этих людей, качавшаяся во все стороны, голоса их сделались хриплы, точно ранее, чем звук выходил из горла, что-то обрывало его там и задерживало. В редкие мгновения, когда можно было заметить отдельные лица, видно было, что они все побагровели, глаза налились кровью, волосы поднялись на голове дыбом и вместе с нею вихрами носились во все стороны. Как-то бессознательно ученики подчинялись муршиду: запрыгал он, и вся эта стена запрыгала, не прекращая прежнего движения головою и корпусом. Скоро посреди мечети совершалось что-то невообразимое. В общем гуле гортанного хора конвульсивно трепетало, подскакивало, падало, раскачивалось судорожно, билось двенадцать тел. Взгляды потеряли человеческое выражение. Молодёжь с благоговением внимала им

и смотрела на избранников каримата [3]... Души этих одержимых, по мнению лезгин, были уже в раю и видели там Магомета и святых. Даже край одежд Аллаховых носился в высоте над ними, и муриды уже были недалеко от звёзд и солнца, которыми оторочены эти одежды. Когда конвульсии сильнее охватывали беснующихся, и в криках их слышалось страдание, это значило, что из рая души их отправились с ад и видят, как там мучаются грешники. Пророки говорили в эти минуты с муридами, ангелы подхватывали и уносили их на белых крылах в недосягаемые бездны неба. В такие минуты муриды позволяли колоть себя кинжалами, жечь руки и ноги головнями, не ощущая ни малейшего страдания. Салтинские старики мало-помалу увлекались движением цепи муридов и состоянием джазме, в котором те находились. Они сами начинали, сидя, раскачиваться во все стороны, повторяя: «Нет бога, кроме бога», и, немного спустя, молодёжь присоединялась к ним.

Джансеид, Хатхуа и Селим вышли к дверям, не желая поддаваться этому исступле-

нию, надолго ослабляющему тело, и сели у порога. Солнце уже ярко светило на площадь джамаата; все её камни блистали под лучами. Дерево посреди гудекана вздрагивало, точно каждый листок его хотел вволю напиться тепла и света, и тысячи птиц возились и щебетали в его чаще. Долины и ущелья были теперь видны во всей прелести, в пышном уборе весенней растительности, в эмалевой отделке обрушивавшихся туда утёсов, в серебряных нитях бежавших по ним потоков, в радужных облаках водопадов. Немного спустя, из мечети стали выносить и класть в тень под чинару упавших в обморок муридов. Их помещали точно дорожку бок к боку, между ними улеглись более благочестивые из мусульман и одержимые упорными болезнями. Матери приносили своих детей и укладывали их спинами вверх и лицом к земле. Таким образом от чинары к дверям мечети образовалась живая полоса плотно прижавшихся одно к другому тел. Славившийся святостью муршид торжественно вышел оттуда, поддерживаемый под руки муллою и шейхом. Ему подвели лошадь, он сел на неё, те же сановники

взяли под уздцы и повели коня по спинам и грудям лежавших богомольцев. Конь медленно ступал на них своими копытами, муршид громко пел исповедание тариката, ему вторили — мулла, шейх, будун и муталлимы, шедшие позади всех по тем же телам. Той же дорогой они вернулись назад, и лежавшие вскочили на ноги, славя мудрость Аллаха.

— Ты что ж не лёг? — обратился насмешливо кабардинский князь к Джансеиду.

— Я не верю в это.

— И ты тоже?

— Я ещё мальчиком, — засмеялся Селим, — пробовал кольнуть иголкой одного из одержимых.

— Ну?

— Он вскочил и убежал из мечети... Есть и между ними, только не все. Я думаю, что Аллах и без этого пошлёт нам победу, потому что дело наше правое. Мы для него же идём на смерть. Ты знаешь нашу песню?

— Какую?

— А вот!

И вполголоса он запел суровую боевую песню лезгинских абреков:

«Кто, отважный, обрѣк себя Бо-
гу,
Без боязни иди на дорогу.
Всѣ, что видит орлиное око
Позади, впереди и далеко,
Облака и сиянье лазури,
И утѣсы, и вихри, и бури —
Всѣ послужит, во славу Аллаха,
Начинанью джигита без стра-
ха.
?И не место бесплодным трево-
гам,
Если смерть суждена тебе Бо-
гом.
Азраил над тобою несѣтся,
Пусть душа, как орѣл, встрепе-
нѣтся;
Улыбайся, глаза закрывая,
Иль не слышишь — далёкого рая
Уж звучат, не смолкая, напевы;
Ждут тебя благодатные девы!»

Духовенство, вернувшись в мечеть, опять
вышло оттуда с зелёным знаменем в руках.
Оно теперь обходило все улицы аула и перед
теми саклями, откуда должны были уехать
джигиты в набег, пело молитвы о их благопо-
лучном возвращении. Джансеид и Селим от-

правились к себе. Сегодня надо было сделать ещё многое. Дома у них женщины давно собрали высушенную в зерне коноплю, разминали её между гладкими камнями, месили с мёдом и приготавливали сухари. Над очагом сушились куски баранины. Всю эту провизию воин должен был взять с собою, потому что вплоть до Шах-Дага не достанешь ничего. Эта часть Дагестана так бедна, что и в окрестных аулах дай Бог самим как-нибудь прокормиться. Тут каждую пядь земли, годную для посева, надо отвоевать у камня. В горах не только у Койсабулинцев, но и везде, даже под сравнительно богатыми Салтами, можно видеть, как лезгины с торбою, привязанною к поясу, с двулапым крючком, насаженным на длинную палку, ищут трещины, чтобы вонзить туда железные когти. И найдя, они подымаются на полшеста, вбивают гвоздь между камнями над бездной, становятся на него и забрасывают дальше когти, пока не доцарапаются до нескольких шагов земли на уступе, где можно посеять горсточку пшеницы. Джансеид и Селим давно осмотрели своё оружие. Оно у них было в порядке. Коней сегодня кормили

на славу ячменём, слегка облитым бузою. Ночью и завтра им предстояла трудная работа.

Когда мулла с шейхом запели перед саклею молитву, Джансеид вынес им мерку пшена, горсть проса, немного сукна, которое в горах ткут женщины.

— Счастливого возвращения! Большой добычи, — кричали ему муталлимы.

Пришлось дать и им.

— Сотню пленников и бочку золотых монет, — сулил ему будун.

С будуна было довольно полуабаза.

За саклей Джансеида был небольшой дворик, обнесённый каменной стеной... Когда духовные ушли, Джансеид раскинул свою черкеску на земляном полу, высматривая, что ему с нею надо сделать.

Сердце защемило, точно смерть уже коснулась его холодными пальцами. Чистя дуло ружья, он напевал про себя в сакле чеченскую песню, которую любили и аварские лезгины.

*«Высохнет земля на могиле моей,
И забудет меня родная мать,
Поращён кладбище жёсткою*

*травую,
Заглушит трава твоё горе, мой
старый отец,
Но не забудет меня мой стар-
ший брат,
Пока не отомстит за мою
смерть.
Но не забудешь и ты меня, мой
второй брат,
Пока не ляжешь рядом со мною.
Горяча ты, пуля, и несёшь да
смерть,
Но не ты ли была мне верною
рабою?
Чёрная земля, ты покроешь ме-
ня,
Но не я ли тебя конём топтал?
Холодна ты, ранняя смерть,
Но ведь сам я был твоим госпо-
дином».*

Недолго пришлось Джансеиду сидеть у себя в сакле.

Перед заходом солнца будун с минарета пропел экимджи-намаз. Не успели заунывные звуки его голоса рассеяться в воздухе, как в сакле поднялась суматоха. Из женского отделения выбежала старуха-мать и кинулась

обнимать и целовать сына, едва сохранившего приличную мужчине сдержанность, у порога появилась маленькая сестрёнка его — Керимат; она держала в поводу уже засёдланного вороного коня, нетерпеливо бившего копытом оземь. Конь был снаряжён к походу. Он грыз удила и, оглядываясь на джигита, точно спрашивал его большим умным взглядом: «Скоро ли ты, наконец?»

Джансеид, освободившись от объятий матери, хоть у самого в глазах стояли слёзы, набросил на себя бурку, приторочил к седлу связку тонких верёвок, закинул за спину ружьё в мохнатом чехле, сунул за пояс пистолеты, у порога нагнулся, взял горсточку земли и, всыпав её в маленький мешочек, повесил его себе на шею. Родная земля должна была сопровождать его повсюду. Если бы его убили, — товарищи, зарыв его труп, посыпали бы его этой землёй. Ему бы легко было в могиле, и это бы значило, что он похоронен дома. Сестра держала ему стремя, тараща на брата громадные глаза, сверкавшие жадным любопытством. Джансеид перед самым отъездом всё-таки не выдержал, бросился к матери ещё

раз, порывисто обнял её, припал головою к её плечу и через несколько мгновений, наклонясь к луке, стремглав нёсся вверх к мечети по ступеням улицы. Из-под копыт его коня летели искры. Молодые лезгины уже начинали собираться. Он был один из первых. Посреди гудекана, недвижно сидел в седле, окружённый муталлимами мулла с зелёным знаменем. Он должен был проводить партию до Салтинской границы. По обычаю предков, надо было выступать вечером в семь часов, чтобы первую ночь провести на самом рубеже. Чохи и черкески блистали сегодня позументами. Салтинцы в этом отношении не походили на других горцев, они любили щеголять, и остальные лезгины называли их «женихами». Юноши и возмужалые бойцы молодежато гарцевали по площади, зная, что с кровель на них смотрят и ими любятя девушки. Джансеид подъехал к Селтанет, Селим — к Аслан-Коз, обе были рядом. Невесты осыпали их лепестками роз, что предвещало счастье.

— Смотрите, не сделайтеь русскими, — смеялась Селтанет.

— Глядя на вечернюю звезду, думай обо

мне, — тихо проговорила грустная Аслан-Коз.

— И на вечернюю, — и на утреннюю!

— Желаю крепости твоей руке, силы удару, верности глазу, — продолжала первая. — Пусть конь твой вихрем ворвётся к врагам, пусть твоя шашка молнией разит их.

— Благодарю, соловей.

— Да хранит тебя Аллах для меня и для нашего счастья! — ещё тише уронила Аслан-Коз и быстро закрыла лицо, чтобы никто не заметил, как предательские слёзы заструились по нем.

Была пора.

Вокруг муллы уже собрались вместе с кабардинским князем все, кто участвовал в войне с русскими. Когда, взмахнув зелёным знаменем, мулла двинулся впереди в узкую улицу аула, воинов со всех кровель осыпали цветами, а старики резали у дверей саклей баранов и брызгали свежую кровь на родных и знакомых, восклицая:

— Так да прольётся кровь неверных из-под ваших шашек.

— Да даст Аллах благополучие вам, — отвечали те.

Отовсюду слышались выстрелы, вопли матерей, рыдания невест, уже не сдерживавших горя. И когда стена Салты осталась позади, мулла запел, и все подхватили хором боевую песню, истинный гимн газавата, под который впоследствии с улыбкой умирали тысячи таких же джигитов.

*«Слуги вечного Аллаха!
К вам молитву мы возносим:
В деле ратном счастья просим.
Пусть душа не знает страха,
Руки — слабости позорной,
Чтоб обвалом беспощадным
Мы к врагам слетели жадным
С высоты своей нагорной.*

* * *

*Помогите, помогите!
О, святые, к вам взываем,
Магомета умолите, —
Без него мы погибаем.
Нет у нас иной защиты,
Нет заступника иного,
Без него мы все разбиты,
С ним сразим врага любого!*

* * *

*Дверь победы растворяя
Для рабов своих покорных,
О, пророк, аулов горных,
Не забудь в утехах рая,
Наша кровь рекой польётся,
Но за муки и страданья
Тем сторицею воздаётся,
Кто томится в ожидании!»*

1902

Примечания

наставник тариката

[^^^]

ученик, одержимый джазом — увлечением к
божеству

[^^^]

сновидение

[^^^]